

самовиховання, шліфування свого духовного "я". Гоголівські "проповіді" щедро насичені цитатами та ремінісценціями зі Старого Завіту, Євангелія, агіографічної літератури, деяких найвідоміших молитв. Твір, по суті, став одним з великих експериментів письменника, у тому числі і на царині давньоукраїнського красномовства.

Ще з дитинства Гоголь охоплений потягом до месіанства, до богообраності, сповнений бажання стати не лише письменником, але й духовним авторитетом. Для Гоголя перехід від невіри до віри, від егоїзму до братолюб'я – не духовна прогулянка, а сповнена страхів та потрясінь драма. Це страх перед власним безвір'ям, перед нездатністю любити. На сторінках "Вибраних місць" автор впевнено веде дидактичну лінію, що бере свій початок в естетичці барокового проповідницького слова. Наведемо найприкметніші приклади гоголівських "повчань": "Є ще вища здатність; ім'я її – мудрість, і її може дати нам один Христос. Вона не наділяється нікому з нас про народженні, нікому з нас не є природною, але є справою вищої благодаті небесної" [9, VI, с. 220]; "Друже мій! ми звані в світ не для того, щоб знищувати і руйнувати, але, подібно до самого Бога, все направляти до добра, – навіть і те, що вже зіпсувала людина та обернула на зло. Нема такої зброї в світі, яка б не була призначена на служіння Богові" [9, VI, с. 232]. Проблематика проповіді була безпосередньо пов'язана з християнською концепцією моралі, спрямованої на вдосконалення внутрішнього "я" людини. Саме релігійно-моральний зміст проповіді привертав увагу Гоголя.

Отже, агіографічні мотиви повісті „Шинель“, сакралізація оповіді "Вибраних місць", звертання до містеріального жанру (лист XXXII, "Світле воскресіння"), легендарність та міфологізація власної біографії, цитування Святого Письма у творах пізнього періоду творчості були, по суті, історією художнього збагачення та духовного самовизначення Гоголя-людини, Гоголя-християнина і Гоголя-письменника.

Література

1. Бердяев Н. Русская идея. – Харьков – М., 1999.
2. Васиљева М. "Шинель" и пересечение параллелей // Дружба народов. – 1997. – №1. – С. 199-205.
3. Вересаев В. Гоголь в жизни. – М., 1990. – 640 с.
4. Ветлювская В.Е. Житийные источники гоголевской "Шинели" // Русская литература. – 1999. – №1. – С. 18-35.
5. Воропаев В. "Духом схимник сокрушенный..." / Тысячелетие русской книжности посвящается. Историко-биографический альманах серии "ЖЗЛ". Т.-16. – М., 1990. – С.262-280.
6. Гоголь М. Програмні твори: У 2 т. –К., 2000.
7. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем / Под ред. Ю.В. Манна. В 23т. – Т.1. –М., 2001.
8. Гоголь Н.В. Размышления о Божественной Литургии. – М., 1990.
9. Гоголь Н.В. Собрание сочинений / Под ред. С.И. Машинского и М.Б.Храпченко: В 7 т. –М., 1984-1986.
10. Лотто Ч. Лествица "Шинели" // Вопросы философии. 1993. – №8. – С. 58-83.

А.К. Павельева

ОБРАЗЫ СЛАВЯНСКОЙ ДЕМОНОЛОГИИ В ПЕРВЫХ ПОВЕСТЯХ ГОГОЛЯ

Образы славянской демонологии в творчестве Гоголя привлекали внимание многих исследователей, в частности, Д.С. Мережковского, Ю.В. Манна, М.В.Теплинского, В.И. Мацапуры, Е.Померанцевой и других. Но, несмотря на огромное количество исследований по этому вопросу, он требует дальнейшего изучения. Целью данной работы является попытка проанализировать образы славянской демонологии в первых гоголевских повестях, в частности, образ черта, проследить их связь с народными представлениями и классифицировать демонические образы. Гоголевские сюжеты не имеют определенной схемы и строятся, по мнению Т.Бовсунивской, на базе архитектоники демонологической мистики, а в основу творения сюжета, как правило, кладется логика сатанинской издевки. Содержание отдельных эпизодов в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» зависит от привлечения тех или иных форм заклинания

нечисти, которая появляется не раньше, чем после упоминания о ней несколько раз (преимущественно — трижды). В соответствии с народными убеждениями, упоминание о черте обязательно приведет к встрече с ним. Персонажи Гоголя нарушают табу «неназывания демонического», что составляет своеобразную предпосылку разворачивания необычайных сюжетов. Как считает Ю. Покальчук, рассказы из цикла «Вечера на хуторе близ Диканьки» строятся на украинских сказаниях, глубоко связанных с народным творчеством, и являются художественной обработкой и трансформацией в литературное произведение готовых фольклорных структур. Главный демонический персонаж гоголевских рассказов — черт. «Именно он «портит» идеальное пространство и заставляет его генерировать страх», — пишет Т. Бовсунивская [1, с. 6]. О. Ковальчук утверждает, что нечистый также изменяет характер коммуникаций, формирует топос «заколдованных мест», создает «институт» волшебных вещей [4, с.9]. В пространстве, на которое падает тень сатаны, до неузнаваемости меняется мир природы. Гоголь использует два вида нечистого: с одной стороны, это вертепный черт низового барокко — хитрый, одновременно глупый, пронырливый, часто смешной, но не всемогущественный — таким он предстает в «Сорочинской ярмарке», «Пропавшей грамоте», «Ночи перед Рождеством». Другой вид — Дьявол-Басаврюк, Антихрист-колдун из повести «Страшная месть», которые являются воплощением наибольшего зла.

В тексте «Сорочинской ярмарки» черт не выступает одним из главных персонажей, а предстает со слов крестьян. У него когтистые лапы и рожки на голове, поэтому он носил шапку и рукавицы, чтобы его не узнали. Кроме вышеназванных зооморфных признаков, свойственных, по преданиям, всем дьявольским созданиям, он больше ничем не отличался от простых смертных.

История черта довольно странная. Ее рассказывает в гоголевской повести кум Черевика. Черта выгнали из ада за то, что «может быть, на него нашла блажь сделать какое-нибудь доброе дело». Он поселился в старом, разваленном сарае под горой, и «бедному стало так скучно, так скучно по пекле». Эта деталь свидетельствует о том, что у него действительно, как говорится в легендах, есть душа, похожая на человеческую; и начал он «с горя пьянствовать» — очевидно, его душа была еще и очень ранимой [2, с.23-24]. Л.А. Пилипенко считает, что «его образ если не очеловечивается, то одомашнивается. Он несчастный...» [11, с.69]. Заложив свою волшебную красную свитку хозяину шинка жиду, он ровно через год (какая пунктуальность!) возвращается за ней и, узнав, что его одежда попала в чужие руки, наказывает жидка. Значит, он честен в своей договоренности: черт не трогал шинкаря на протяжении целого года и не пытался отобрать силой или хитростью свою вещь; но он еще и злопамятен — за разрыв договора довольно жестоко отомстил. Кроме того, его красная свитка не принесла счастья новым владельцам: у перекупки никто ничего не покупал и свитка, когда та ее одевала, душила ее, и в огне не горела, когда женщина попыталась избавиться от бесовской одежды. У мужчины, которому она ее подбросила, не брали масло, и когда он порубил свитку на куски, то увидел, что «лезет один кусок к другому». Так было до тех пор, пока он их не перекрестил. Черт также терпелив и упрям. Он уже около десяти лет каждый год, как раз во время ярмарки, «с свиною личиною ходит по всей площади, хрюкает и подбирает куски своей свитки» [2, с.25]. Она не случайно такого адского цвета — это показывает, что ее владелец — не крестьянин-труженик, который так одевается только на праздники, а гуляка-пьяница, безбожный богач, пан, что уже приравнялось к богоотступнику, к нечистому (бесы также могли носить красные рубашки, мундиры, шляпы, пояса). Так что такой яркий предмет одежды уже вызывал подозрения, а если ему еще приписывались сверхъестественные способности — умение «соединяться», душить — это, понятно, вызывало страх. Кроме того, она была сделана из такого сукна, «что и в Миргороде не достанешь!» [2, с.24]. О ее дьявольской принадлежности свидетельствует также то, что свитка будто показывалась в разных местах то целая, то частями. Народные поверья утверждают, что вещи, взятые у нечисти, нужно обязательно возвращать владельцу, иначе не избежать неприятностей, что и случилось с перекупкой и

продавцом масла; к тому же на ярмарке все время случаются какие-то странности и люди не прекращают перешептываться о красной свитке. Черт же, со своей стороны, как рассказывают легенды, за потерю бесовского добра мог быть наказан Дьяволом и, может, именно эта причина заставляла его продолжать поиски, превратившись в свинью. Это животное считалось нечистым еще с языческих времен, за его природную любовь к грязи, а со временем это определение сменило семантику, и уже с XV-XVI веков этих внешне неприятные (большую роль тут сыграли клыки, которые народная молва иногда дорисовывала черту) животные ассоциировали с демонами. Неудивительно, что всем посетителям ярмарки везде казались «свинные рыла», и что именно свиньи наказали жида за несоблюдение договоренности. Игра цветов четко разделяет добро и зло: красная свитка черта и белая свитка Грицька Голопупенка. Красный цвет также употреблялся для различия сторон света и означал Юг, что могло выдавать чужбинное, возможно татарское или турецкое происхождение нечистого. Но у читателя нет уверенности в том, что Грицько и Параска в будущем будут счастливы, так как их счастье, как указывает Л.А. Пилипенко, добыто в нечистом месте, нечистыми способами, с помощью нечистой силы — красной свитки [11, с.69].

Совсем другое дело — Басаврюк (в первом издании — Бисаврюк) из повести «Вечер накануне Ивана Купала». Черт в этой повести принимает человеческое обличье. Это — «дьявол в человеческом образе». Он то «гуляет, пьянствует», то вдруг непонятно как и куда пропадает, дарит девушкам ленты, сережки, монисты, и если кто-то не принимает подарков — обижается так, что «всякого проберет страх» и «кажется, унес бы ноги бог знает куда» [2, с.36]. А к тем, кто брал чертовы подарки, на следующую же ночь «тащится в гости какой-нибудь приятель из болота, с рогами на голове и давай душиить за шею, когда на шее монисто, кусать за палец, когда на нем перстень, или тянуть за косу, когда вплетена в нее лента» [2, с.36]. Снова проклятые вещи приносят несчастья их владельцам и, как и в случае с красной свиткой, от них нельзя избавиться. В церковь Басаврюк не ходил (хотя низшие демонические существа, как считали в то время украинцы, могли даже посещать службу). Внешность у черта тоже непривлекательная (хотя и без рогов, когтистых лап и хвоста): «у! какая образаина! Волосы — щетина, очи — как у вола!» [2, с.38]. Заметим, что большие глаза, часто с кроваво-красным отсветом, были характерны для украинской нечисти в целом. Черт действует именно в «час пик» — в купальские святки, и соблазняет Петруся золотом «в такую пору, когда добрый человек идет к заутрене». Тут присутствует мотив договора с нечистой силой — червонцы за цветок (и, как позже выяснится, за душу). Доставив Петра в яр, где растет папоротник, он таинственно исчезает. И тут начинается настоящая «чертовщина»: Петру кажется, что сотни волосатых рук тянутся к цветку, а позади него что-то перебегает с места на место, то привидится синий, как мертвец, Басаврюк. Ни сам Басаврюк, ни ведьма, к которой он привел парня, не могли найти сокровища в обычный день и без папоротника, ведь все, что находится в недрах земли — владения Дидька (разновидность лесных чертей). «Басаврюк (Бисаврюк) — «бесовский человек», «сатана» — не имеет никаких этнических признаков. Да и может ли их иметь носитель зла? Но хронологически и географически определено художественное поле для его действий. И. Сенько замечает, что его фамилия содержит в своей основе не только слово «бес», но и созвучные «басурман» и «сердюк» (наемник)» [14, с.21]. Гоголь также использует и довольно распространенный в сказках мотив жертвоприношения. Для получения сокровищ Петрусь должен убить Ивася — братица любимой, еще совсем ребенка. Богатство, полученное такой ценой, не принесло Петрусью счастья — он уже через месяц после его получения сошел с ума, а ровно через год (вспомним черта, который вернулся за свиткой через 12 месяцев), на Ивана Купала, Петро Безродный сгорел в собственном доме и осталась от него лишь горка пепла и, наверное, душа его попала далеко не в рай. Золото превратилось в битые черепки... А Басаврюк продолжал свои проказы: то принимал образ жареного барана и моргал усами, то церковному старосте чарка кланялась, а у его жены бочка с тестом прыгала по хате. И даже когда отец Афанасий окропил святой водой все сельские улицы, странности не

прекратились, и шинкарка еще долго жаловалась, что кто-то каждый вечер стучит по крыше и царапается по стене.

Интересно, что у Басаврюка в человеческом облике напрочь отсутствуют видимые животные признаки, он очень активный и злостный (спайвал парней, дарил девушкам проклятые украшения, испортил жизнь Петру и Пидорке), мог внезапно появляться и исчезать, менять цвет кожи (что вообще несвойственно нечистому). Даже святая вода не заставила его оставить село, а кроме обычных превращений в домашний скот (барана), он «оживляет» чарку и бочку. Басаврюк, принимая во внимание украинские легенды и предания, больше похож не на обычного черта, а на Дьявола, который отличается от своего сородича главным образом тем, что, превратившись в человека, он выглядит так же, как и другие смертные, только у него более хмурый вид. А вот по характеру он значительно более подлый и агрессивный, чем простой нечистый. Его нельзя обмануть, и он творит на земле больше зла. Басаврюк — совсем не шуточный чертик, который любит посмеяться над людьми, а намного худшее существо, которое всеми своими поступками вызывает страх.

В повести «Пропавшая грамота» мотив продажи души черту также играет значительную роль. Тут мы имеем уже не туманную договоренность, как в случае с Петрусем Безродным. Завязка повести происходит именно тогда, когда черт — серое чудище с рогами — забирает казака, с которым дед поменялся одеждой, и у которого оказалась дедова грамота к царице. Других запорожцев, которые сторожили должника, черт усыпил; кроме того, он еще и коней их украл, хотя непонятно, зачем они ему, ведь нечистые обладают даром телепортации (мгновенного перемещения на большие расстояния) и левитации (полета). Дорога к черту лежит через непроходимый лес, и найти его можно возле реки, где дед увидел кучу нечисти. Их внешность детально не описывается, упоминается лишь, что вместо рук у них были лапы. Но они тоже были достаточно вредными: деду чуть не выжгли головней глаз. Интересна сцена бесовских танцев, которые начались после того, как дед бросил им деньги (это вообще странный эпизод, ведь ни в одной мировой мифологии нечисть не соблазнялась золотом, а наоборот, с его помощью подбивала смертных на преступления. Как известно, демонические силы владеют несчетными богатствами, поэтому непонятно, почему черти бросились на пригоршню монет). Черти у Гоголя с собачьими мордами. Исследователь украинской мифологии Ю. Г. Буряк замечает, что «собака <...> создан дьяволом из глины» [7, с.307]. А потому во всех украинских мифах демоны, ведьмы и колдуны часто принимают подобие этих животных. В этой повести черти на немецких ножках (черти, как и лобые иностранцы или просто чудаки, ассоциировались с немцами), вертя хвостами, увивались около ведьм. Черти-музыканты (очевидно, они прилетели на этот шабаш из западной Украины, ведь на востоке нечисть, как считалось, любила лишь карты и выпивку, а на западе умела еще и петь и танцевать) «тузили себя в щеки кулаками, словно в бубны, и свистали носами, как в валторны» [2, с.74]. Черти посадили деда за стол длиною с дорогу от Конотопа до Батурина — оптическая иллюзия, созданная чертями. Стол этот щедро уставлен яствами — «видно, дьявольская сволочь не держит постов» [2, с.74], но дед не мог съесть ни кусочка — все падало в рот чертям. Нечисть, посмеявшись над дедом, предложила ему отыграть свою шапку в карты (мотив игры); но его предупредили, что в случае проигрыша он, возможно, и света больше не увидит. Практически, игра велась на его душу (договор с чертями). Конечно, бесовское племя все время подтасовывало карты, и выиграть дед смог лишь с третьей попытки (святая троица), перекрестив карты незаметно для остальных игроков. Лишь после того, как дед пригрозил перекрестить всю присутствующую тут нечисть, ему предоставляют демонического скакуна вместо коня, которого у него украли. Позже выяснилось, что жене его в это же время такая чертовщина снилась, что она даже подпрыгивала на лавке, «и, видно, уже в наказание, что не спохватился тотчас после того освятить хату, бабе ровно через каждый год, и именно в то самое время делалось такое диво, что танцуется, бывало, да и только. За что ни примется, ноги затевают свое и вот так и дергает пуститься вприсядку» [2, с.76]. Хотя дед и выиграл партию в карты, но нечисть не оставила его в

покое и сыграла с его женой такую шутку. Черти тут довольно типичные — шутливые пьяницы и картежники, мошенники, которые появлялись в человеческом обличье с головами домашних животных, устраивали песни и танцы возле воды в безлунную ночь и пышные застолья за бесконечными столами... Впервые тут упоминается и *приставной черт* — тот самый, который охотился на запорожца. Такие бесы сопровождали тех, с кем у них была договоренность о продаже души с момента ее подписания и до самой смерти человека.

Довольно детально Гоголь описывает черта в повести «Ночь перед Рождеством»: «Спереди совершенно немец: узенькая, беспрестанно вертевшаяся и нюхавшая все, что ни попадалось, мордочка оканчивалась, как и у наших свиней, кругленьким пяточком, ноги были так тонки, что если бы такие имел яресковский голова, то он переломал бы их в первом козачке. Но зато сзади он был настоящий губернский стряпчий в мундире, потому что у него висел хвост, такой острый и длинный, как теперешние мундирные фалды; только разве по козлиной бороде под мордой, по небольшим рожкам, торчавшим на голове, и что весь был не белее трубочиста, можно было догадаться, что он не немец и не губернский стряпчий, а просто черт» [2, с.82]. Этот нечистый больше отвечает народным представлениям о нем: у него не только есть рожки, борода, пяточок, но и хвост, и сам он черный и, наверное, мохнатый, но, в отличие от остальных гоголевских «нечистых» персонажей, совсем не страшный, а наоборот, свои сходством с иностранцами вызывает усмешку. Характер у него такой же пакостный, как и у его «родственников». Он мешает Вакуле нарисовать черта на картине, где был изображен в день Страшного суда, влияет на погодные условия ради своей выгоды. В.Я. Петрухин пишет, что черти единственные среди всей нечисти могут насылать ненастья — вихри, метели, вьюги [9, с.611]. Когда Чуб с кумом сбились с дороги, они неслучайно вспомнили виновника ненастья: «Эх, какую кучу снега напустил в очи сатана!» [2, с.90]. Заметим, что Гоголь отождествляет понятия «черт», «бес», «сатана», «дьявол», «лукавый», «нечистый», «дидько». Иногда он использует одновременно несколько этих определений, характеризуя один и тот же персонаж. Нечистый ухаживает за ведьмой, как молодой парень: он «целовал ее руку с такими ужимками, как заседатель у поповны, брался за сердце, охал...» [2, с.92], что очень нравилось Солохе. Он по-человечески неловок: «наехал при самом входе в трубу на шею своей любовницы» [2, с.88]. Из-за метели, которую вызвал черт, ему стало так холодно, что он «перепрыгивал с одного копытца на другое и дул себе в кулак, желая сколько-нибудь отогреть мерзнувшие руки. Не мудрено, однако ж, и мерзнуть тому, кто толкался от утра до утра в аду, где, как известно, не так холодно, как у нас зимою, и где, надевши колпак и ставши перед очагом, будто в самом деле кухмистр, поджаривал он грешников с таким удовольствием, с каким обыкновенно баба жарит на рождество колбасу» [2, с.87]. То, что он жарил грешников в аду и что был «не белее трубочиста» дает возможность отнести его к разряду *чертей-пекельников*, которые наказывали тех, кто попал в подземное царство. Увлеченный любовными страстями, он все же не забывает о своей основной функции — губить души. Черт даже пытается соблазнить Вакулу деньгами, но он глуп и недальновиден. Уже сидя у кузнеца на шее, он дал себя обмануть. Парень оседлал черта и заставил его лететь в Петербург. Как и все нечистые, он так боялся крестика, что как только Вакула снимал его с шеи, черт чихал и кашлял, и летел еще быстрее. Кроме левитации, черт мгновенно переносится из дворца к шлагбауму, уменьшается до таких размеров, чтобы поместиться в кармане кузнеца, превращается в коня. Владея такими силами, казалось бы, можно напугать людей и устроить настоящий бардак, но черт еле успевает спастись от Вакулы, когда уже пели петухи, да еще и получает от парня три удара хворостом. Вместо того, чтоб «провести, соблазнить и одурачить других, враг человеческого рода был сам одурачен» [2, с.111]. Ю.В. Манн утверждает, что во многих эпизодах наблюдается явное снижение, опрошение, дедемонизация inferнальных представлений (например, сравнение черта с бабой, которая жарит колбасу). Черт в повести «Ночь перед Рождеством» раздваивается: мы видим неудачливого, смешного ухажера, верхом на котором Вакула летал в Петербург, сказочный образ из народных преданий, и черта из

христианской мифологии, которого кузнец нарисовал в церкви — «такого гадкого, что все плевали, когда проходили мимо».

В рассказе «Заколдованное место» дед, который не мог станцевать на одном месте возле грядки с огурцами, переносится оттуда в незнакомую местность, где в какой-то момент находит клад. Трижды он возвращался на это место, и каждый раз ему виделись какие-то чудища, животные, которые повторяли за дедом его слова, живые пни, предметы появлялись и исчезали, внезапно начинал идти дождь. Когда же дед возвратился домой, его близкие приняли его за бочку и вылили на него помой, а золото превратилось в мусор. А на том заколдованном месте никогда не росло ничего хорошего. Очевидно, это были владения Дидька (черта-лесовика) — недаром земля тут была «лысая» и старику казались какие-то чудовища — Дидько бдительно охраняет свои богатства от людей, а если они им и достаются, то превращаются потом в какой-то хлам. Здесь нет центрального нечистого — черта, дьявола, сатаны или кого другого — «враги рода человеческого» тут многолики. В их внешности есть что-то необычное: звериные головы, превращения в горы, деревья и пни, пеньки, или причудливые голоса и звуки.

В своем первом сборнике «Вечера на хуторе близ Диканьки» М.В. Гоголь изобразил почти все виды нечестивцев — невидимого черта-изгнанника, которому больше сочувствовали, чем боялись («Сорочинская ярмарка»), Дьявола-Басаврюка — пьяницу и жестокого соблазнителя, который вызывал у людей ужас («Ночь на Ивана Купала»), приставного черта («Пропавшая грамота»), черта-«пекельника», который ухаживает за ведьмой, крадет месяц и дает себя обмануть («Ночь перед Рождеством»), многоликого Дидька («Заколдованное место»); духов, что «клубились облаком». Нечистая сила в повестях Гоголя появляется в человеческом облике, в облике животных или чудищ. Черты в художественной интерпретации писателя наделены человеческими качествами: они любят выпить, вкусно поесть и потанцевать. Все они владеют сверхъестественными способностями, что пугает простых смертных, они хитры либо глупы. Все черты, изображенные Гоголем, являются воплощением славянских мифологических представлений о духах стихий (воды, земли, воздуха, огня), которые трансформировались с приходом христианства в стойкие верования о существах, мешающих православному люду вести праведную жизнь и подбивающих на грешные поступки.

Література

1. Бовсунівська Т. Містична каузальність гоголівських сюжетів // Українська мова та література. — 1999. — №12. — С. 6-7.
2. Гоголь Н.В. Вечера на хуторе близ Диканьки. Миргород. — Харьков, 1987.
3. Голотина Г.А. Нравственно-философские искания Н.В. Гоголя в повести «Страшная месь» // Тезисы докладов I гоголевских чтений. — Полтава, 1982. — С.53-54
4. Ковальчук О. Гоголь: Буття і страх // Зарубіжна література. — 2002. — №36. — С. 3-4; 9-10.
5. Манн Ю. Поэтика Гоголя. — М., 1988.
6. Маевская Т. П. Демонологические мотивы и образы в «Украинских повестях» Н.Гоголя, Н. Лескова, В. Короленко // IV гоголівські читання: Зб. наук. статей. — Полтава, 1997. — С.19
7. Міфи України / Пер. Ю.Г. Буряк. — К., 2003.
8. Мифы народов мира / Под. ред. Токарева. — М., 1988.
9. Мифологический словарь / Гл.ред. Е. М. Мелетинский. — М., 1991.
10. Мацапура В. И. Украина в русской литературе первой половины XIX века. — Харьков-Полтава, 2001.
11. Пилипенко Л.А. Добро и зло в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Н.В.Гоголя // Литература в школе. — 1995. — №1. — С.68-71.
12. Покальчук Ю. Традиції Гоголя і «магічний реалізм» // Вітчизна. — 1984. — №4. — С.187-192.
13. Самышкіна А.В. К проблеме гоголевского фольклоризма // Русская литература. — 1979. — №3. — С.61-80.
14. Сенько І.М. Гоголівська Диканька на історичних перехрестях. — Ужгород, 2003.
15. Синицкий В.В., Тюнин А.П. Народная фантастика и творчество Гоголя / Тезисы докладов I гоголевских чтений. — Полтава, 1982. — С.51-53
16. Теплинский М.В. Необычайная гоголевская фантастика «Вечеров на хуторе близ Диканьки» в школе // Всесвітня літе-ра та культура в навч. закладах України. — 2001. — №12. — С.47-49.
17. Храпченко М.Б. Творчество Гоголя. — М., 1954.